

Немов Анатолий

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

15 ИЮН 1985

Чувство горечи испытывал я, когда читал в «Советской культуре» письмо «Под покровом таланта!» (8 июня 1985 г.). Есть у нас, у актеров, не у всех, к счастью, этот грешок, который назван наконец Грехом с большой буквы. Да, выпивают. И бывает такое частенько, потому что кое-кто всерьез рассудил, что «зеленый змий» — неременный спутник жизни в искусстве. По своему возрасту я отношусь пока к категории творческой молодежи, и потому свежи в памяти первые годы профессиональной работы, свежи и те пагубные штрихи приобщения к «большому искусству».

Семь лет назад мы, группа выпускников театральных вузов, впервые переступили порог служебного входа театра в одном крупном волжском городе. С трепетом переступили, с неутолимой жаждой нести со сцены большие истины и чувства. И в первый же день столкнулись со «спецификой» храма Мельпомены. Один из ведущих, весьма солидного возраста актер театра собрал нас, молодых, на гостиничное застолье. И какая грязь (не хочу подбирать слов!) полилась на том убогом банкете параллельно с пресловутым водочным возлиянием! В тот вечер мы узнали «все»:

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР—

Закулисный туман

кто с кем, кто против кого, кто бездарь и кто карьерист; мы поняли, что главный спектакль творится иной раз не на сцене, а под покровом кулис, и, право же, счастье, что идет он при закрытом занавесе.

Приобшились, так сказать. И единственная отрада: я видел, что у большинства моих товарищей то застолье вызвало откровенное чувство гадливости. Но ведь были и другие! У кого-то блеснули глаза не только от выпитого, но и от выпитого под тост уважаемого артиста. Наставника... Жизнь показала, что и в дальнейшем те «молодые специалисты» испытывали удовольствие не от творческого общения с заслуженным артистом, а от совместных с ним застолий.

Я не снимаю ответственности с нас, впервые переступающих порог театра. Правильно пишет Е. Леонидова: «Театр — это не детский сад, он в

чем-то очень жесток, через слабых он просто переступает». Но не объективной жестокостью, а подлостью является подобное описанному опекунство и наставничество. Результаты бывают жутковатые. Вот и мои однокурсники: увы, не у всех сложились судьбы так, как у нашей Тани Догилевой. Иные из театра ушли. Навсегда. И кто-то именно по причине зловредного пристрастия к «несценическим» эффектам. Нет, братцы, театр перешагнул не через вас — через ваш дурман, которому нет и не может быть места ни на сцене, ни за кулисами...

Мы — актеры. И вовсе не громкие это слова, когда говорят, что каждым днем прожитой жизни, каждым своим поступком мы обязаны утверждать право выходить на сцену и нести людям свою точку зрения на любовь и дружбу, подлость и ненависть.

Не так давно мне как председателю партийной комиссии пришлось разбирать факт несусветного пьяного дебоша, устроенного одним из работников театра. Точно вспоминать, как «виновник торжеств» пытался оправдать свой хулиганский поступок. А изначальная причина все та же — «глоток свободы»... От чего свободы? От совести, от морали, от порядочности.

Да, пьянство в художественном коллективе, как правило, соседствует с закулисными склоками, изнуряющими баталиями пресловутых группировок. Зависимость здесь прямая, и объяснение тому простое: в зараженном хмельным недугом коллективе легко рождаются зависть, неуважение друг к другу, интрижки всевозможных сортов. Какое уж тут воспитание творческой смены!

...Горько читать письмо. И не самое это приятное — заниматься обсуждением и «принятием мер» по такому неприглядному делу. Для другого мы пришли служить в театр.

Анатолий НЕМОВ,
актер Первого московского областного
драматического театра, секретарь
комсомольской организации.